

Л. В. Братухина

Пермский государственный исследовательский университет. Пермь, Россия.

Loli28@yandex.ru

ПИФАГОР И НЕОПИФАГОРЕЙЦЫ В ПОЭМЕ Э. ПАУНДА «THE CANTOS»

Статья посвящена анализу поэмы Э. Паунда «The Cantos». Предпринимается попытка проанализировать пифагорейский интертекст в Canto XCI. Рассматриваются упоминания в тексте имен Пифагора и его последователей, изображение эпизодов их биографий, цитирование отдельных положений пифагореизма. Особое внимание уделяется личности и учению Пифагора, а также Аполлония Тианского. Отмечается неоплатоническое переосмысление идей пифагореизма в сочинениях авторов Античной эпохи и Нового времени, отразившееся в произведении Паунда. Также прослеживается возможное обращение автора к священным текстам пифагорейцев — «Золотым стихам». Делается вывод о том, пифагореизм предстает как освященная древностью и укорененная в культуре мистическая школа, становящаяся одним из античных источников поэмы Паунда.

Ключевые слова: Э. Паунд, «Кантос», Пифагор, пифагореизм, Аполлоний Тианский, метемпсихоз, неоплатонизм.

L. V. Bratuchina

Perm' State National Research University, Perm', Russia. Loli28@yandex.ru

Pythagoras and the Neo-Pythagoreans in Pound's poem *The Cantos*

The article is devoted to the analysis of Ezra Pound's poem *The Cantos*, in particular Canto XCI, which is part of the cycle *Rock-Drill de los Cantares* (1953–1955). An attempt is made to explore in detail the Pythagorean intertext in Canto XCI, i.e. mentions of the names of Pythagoras and his followers, depictions of episodes of their legendary biographies and quotations of certain Pythagorean propositions. Special attention is paid to the personality and teaching of Pythagoras, as well as one of his most extraordinary admirers – Apollonius of Tyana (as described in Iambl. *De vita Pyth.* and Phil. *Vit. Apoll.*). It is shown that, in the context of Pound's poem, with its constant return to the topic of descent into the other world and obtaining sacred knowledge, one of the most important Pythagorean ideas is the doctrine of metempsychosis. In addition, attention is paid to Pound's interpretation of the Pythagoreans' worship of number four. No less significant is the analysis of evidence of the Pythagoreans' veneration of the Sun, the symbolism of which is presented in Canto XCI in an international way, with the involvement of Chinese hieroglyphs. It is

significant how the Neoplatonic reinterpretation of Pythagorean ideas, represented in works of authors of the Ancient and Modern eras, is reflected in Pound's work. The American author might have also used the sacred texts of the Pythagoreans, the *Golden Verses*. The article's conclusion is that, in Pound's work, Pythagoras and his followers symbolize one of the oldest invariants of the motif of obtaining sacred knowledge. Neoplatonic interpretations, in principle, reflect the objective continuity of the ancient philosophical tradition, which had constantly persisted in one form or another. Pythagoreanism, another ancient source of Pound's poem, appears, in contrast, as a mystical school sanctified in antiquity and deeply rooted in the European culture.

Keywords: Ezra Pound, *The Cantos*, Pythagoras, Pythagoreanism, Apollonius of Tyana, metempsychosis, Neoplatonism.

Поэма «The Cantos» имеет длительную историю создания от первых песен, написанных в 10-е гг. XX в., до заключительных, появлявшихся вплоть до последнего прижизненного издания 1970 г. В завершающих¹ поэму циклах — «Rock-Drill de los Cantares» («Рок-Дрилл», 1953–1955) и «Thrones de los Cantares» («Престолы», 1956–1958) — Паунд неоднократно обращается к идеям Пифагора, легендам о нем и его последователях. Этот интертекст вплетается в уже сложившуюся на протяжении предшествующих частей поэмы систему цитат, аллюзий, реминисценций из Гомера, Вергилия, Овидия, а также идеи Аристотеля, Платона и неоплатоников. Обычно исследователи не рассматривают «пифагореизм» Паунда, считая его учение неотличимым от философии Платона (Niven 2018: 367) или рассматривая его как «часть неоплатонической традиции» (Liebregts 2004: 296).

В рамках данной статьи анализируется входящее в цикл «Рок-Дрилл» *Santo XCI*, тему которого П. Либрегтс определяет в неоплатоническом духе (согласно названию своей монографии «Ezra Pound and Neoplatonism») как «переход от материального мира к духовидческому через любовь» (Liebregts 2004: 305). Одним из важнейших источников мистического знания о «духовидческом мире» у Паунда становится пифагореизм, представленный в *Santo XCI* подробно и разнообразно. Здесь Пифагор упоминается вместе с неопифагорейцами Океллом и Аполлоном Тианским — «Thus Apollonius / (If It was

¹ Эти циклы являются последними законченными и подготовленными к печати самим автором, позднейшие тексты — это черновики и наброски (Bronnikov 2018: 765).

Apollonius) / & Helen of Tyre / by Pithagoras / by Ocellus» (Pound 1975: 610) — что интерпретируется как изображение «паундианского рая»² (Bronnikov 2018: 760). Сближение этих персонажей может быть объяснено общностью ключевого для всех пифагорейцев учения о метемпсихозе. «Метаморфозы» Овидия содержат его изложение в поэтическом монологе самого Пифагора (Ov. *Met.* XV, 153–172). В приписываемом³ Океллу сочинении «О природе вселенной» проводится схожая мысль о бессмертии через перерождения (Losev 2000: 57). Аполлоний Тианский прославился тем, что и после смерти учил о бессмертии души, явившись одному сомневающемуся юноше (Phil. *Vit. Apoll.* VIII, 31). Учение о переселении душ является, очевидно, одним из оригинальных тезисов Пифагора, указания на который содержатся в источниках, появившихся ранее «пифагорейских» сочинений Платона и неоплатоников (Zhud 2012: 32).

Рядом с философами появляется выдаваемая Симоном-волхвом за первую Мысль (επινοία), нисшедшую в низшие сферы и породившую тварный мир, Елена из Тира, ранее известная как Елена Троянская (Iren. *Adv. her.* I. 23. 2; cf. Tert. *De an.* 34, 2–4). Паунд упоминает ее в таком контексте, который позволяет интерпретировать ее как образ, сотворенный Пифагором и Океллом. Так, в монологе Пифагора, приводимом в «Метаморфозах» Овидия, называется Елена, дочь Тиндара (Ov. *Met.* XV, 232), оплакивающая увядание своей красоты. Эта постаревшая «Елена Пифагора» может служить одним из примеров оппозиции бессмертной души и изменяемой, тленной и смертной материальной оболочки, важной идеи самосского философа, согласно Овидию. «Елену Окелла» можно понимать как персонификацию сексуальности из его «учения о продолжении потомства» (Losev 2000: 57). П. Либрегтс рассматривает Елену из Тира в одном ряду с другими «женщинами Любви» данного *Canto* — императрицей Феодорой, Елизаветой

² На это может указывать и упоминание рядом с именами античных философов императора Юстиниана, находящегося, согласно «Божественной Комедии», в раю на небе Меркурия (Dante. *Paradiso.* VI, 10–142).

³ Отметим, что из всех названных персоналий Окелл в отношении выражения действительно пифагорейских идей является наиболее скомпрометированным: «О природе вселенной» считается псевдопифагорейским, созданным в позднейшее время, предположительно с целью «сконструировать пифагорейский источник платоновского Тимея» (Losev 2000: 45).

Тюдор, принцессой Ра-Сет — олицетворяющими силу, возносящую к высшему миру (Liebregts 2004: 318). Однако следует учитывать двойственный характер Елены Тирской-Троянской: вместо того, чтобы, согласно морализаторскому учению Псевдо-Окелла, иметь своей целью бесстрастное зачатие и деторождение как причащение человека к бессмертию (Losev 2000: 58–59), она может быть одним из ярчайших антипримеров страстного похотливого поведения, нарушающих гармонию семейного очага и мира в целом. Упоминая столь спорную с точки зрения учений Пифагора и «Окелла» фигуру рядом с именами философов в своеобразном раю, Паунд может намекать на скрывающуюся в образе непонятной спутницы Симона Волхва Софию-премудрость, нисшедшую до чувственного мира, но способную, следуя их учениям, выйти из падшего состояния, раскрыв свою сущность (Jonas 2001: 106–108).

Упоминание Елены из Тира рядом с именем Аполлония еще более интересно с точки зрения античных реминисценций. Некоторое сомнение — «If It was Apollonius» может указывать на своеобразное «благовещение» матери Аполлония о том, что ей предстоит родить «египетского бога Протея», прославившегося «ведением прошедшего и будущего» (Phil. Vit. *Apoll.* 1, 4). Известна также легенда о пребывании настоящей Елены у Протея (Ps.-Apol. *Epit.* III, 5; cf. Eur. *Hel.* 60–61). Елена из Тира в соположении с именем Аполлония может в этом контексте пониматься как образ подлинной сущности (истины, подлинного знания), скрываемого за меняющимися обличиями.

В *Santo* ХСІ Пифагор и Аполлоний Тианский упоминаются еще раз среди тех, кто «понимает толк в огне» (Паунд 2018: 564) («They who are skilled in fire» (Pound 1975: 651)), в качестве их искушенности приводится особым образом воспринимаемый ими китайский иероглиф, обозначающий утро, рассвет и содержащий в себе знак солнца, поднимающегося над горизонтом. Этот яркий неоплатонический символ (cf. Plotin. *Enn.* V. 5.8, 8.4) находит свое обоснование и у пифагорейцев. Так, Пифагор отождествлялся с Аполлоном (Iambl. *De vita Pyth.* 19, 91); сообщалось об одной из его сверхъестественных способностей: взирать на солнце непосредственно (тогда как обычные люди — лишь во время затмения) (Iambl. *De vita Pyth.* 25, 67), об одном из ритуалов, приписываемых пифагорейской общине под руководством философа — утренней молитве солнцу (Iambl. *De vita Pyth.* 35, 256); Пифагору приписывалось утверждение о том, что солнце является локализацией островов бла-

женных (Iambl. *De vita Pyth.* 18, 82). Аполлоний, по свидетельству Филострата, также имел обыкновение молиться Солнцу (Phil. *Vit. Apoll.* I, 16). О сокровенном смысле таких ритуалов можно судить по распорядку философа: «...любоумудрствуя по Пифагорову образцу, подобает на рассвете беседовать с богами, днем — о богах, на закате же — с людьми о делах человеческих⁴» (Ibid.). Кроме того, в описании странствий философа изображаются посещение им святилища Мемнона в Египте (подчеркивается, что Мемнон — сын Зари (Эос) и статуя его обращена к восходу солнца), где Аполлоний принимает участие в рассветном ритуале поклонения «Гелиосу-Эфиопу и Мемнону-Восходу» (Ibid. VI, 4); а также посещение индийских брахманов, молящихся Солнцу и воспаряющих к нему от земли, имеющих в своих храмах огонь, зажженный Солнцем (Ibid. I, 14). Если Ямвлиха можно упрекнуть в пристрастности как неоплатоника, то, произведение Филострата, стоящего «в стороне от всеобщего увлечения Платоном» (Strukova 2003: 266), отражает пифагореизм более объективно. Паунд, используя символ солнца, опирается не только на неоплатоническое истолкование образа, но и, включая в эту парадигму Аполлония Тианского, — на источник, подчеркивающий авторитет Пифагора.

Образы каждого из двух упомянутых персонажей представлены также в связи с подробностями их биографий. Воспроизводятся детали отдельных эпизодов «Жизни Аполлония Тианского»: беседа Аполлония с юношей, которого домогался Домициан (Phil. *Vit. Apoll.* VII, 42) («And that even in the time of Domitian / one young man declined to be buggar'd» (Pound 1975: 616)); аудиенция у Домициана, в ожидании которой философ сравнивает приемную императора с баней: «...одни спешат войти, другие выйти, иные вроде бы успели дочиста отмыться, а иные вроде бы и вовсе не умыты» (Phil. *Vit. Apoll.* VII, 31). Эта встреча с Домицианом стала преддверием суда над философом, а потому вполне оправданной выглядит фантазия Паунда, вкладывающего в уста своего персонажа фразу: «Is this a bath-house... Or a Court House» (Pound 1975: 616). Обрамление этой фразы — «Asked Apollonius / who spoke to the lion» (Ibid.) — намекает на еще один сюжет из жизнеописания философа: беседу со львом, в которого переродился египетский фараон Амасис (Phil. *Vit. Apoll.* V, 42). Этот сюжет иллюстрирует

⁴ Здесь и ниже перевод Е. Г. Рабинович.

чудесное владение Аполлоном языком животных, а также демонстрирует концепцию перерождения душ. Можно усмотреть некоторое противоречие: зная о бессмертии душ, философ, однако, не обладает полной информацией относительно собственной судьбы. Вопрос — «Is this a bath-house... Or a Court House» — можно интерпретировать как непонимание, когда совершится суд и каков будет его результат. У Филострата, подобную мысль высказывает Аполлоний своему последователю Дамиду, когда обосновывает ему необходимость быть готовым к смерти: «...и философам положено загодя позаботиться о смертном своем часе, дабы не попасться врасплох, но и не спешить навстречу гибели, а самолично избрать для кончины своей подобающий случай. Вот и я выбрал для смерти — ежели захочется кому меня убить — превосходный и согласный с философией повод» (Phil. Vit. Apoll. VII, 31). Когда Аполлоний наставляет Дамида ждать его в Дикеархии после оправдания на суде, звучит такая фраза: «...повороти к морю, в ту сторону, где остров Калипсо, чтобы увидеть, когда я к тебе явлюсь» (Phil. Vit. Apoll. VII, 41). На вопрос же Дамида о том, живым ли он вернется, следует ответ: «По-моему — живой, а по-твоему — оживший» (Phil. Vit. Apoll. VII, 41). Памятуя о том, что остров Калипсо связан с «миром смерти» (Takho-Godi 1989: 53), следует понимать слова Аполлония как приурочивание к чудесному перерождению после казни, которого, как и самой казни, не случилось. Однако совершенно неслучайно все упомянутые сюжеты из жизнеописания Аполлония связаны у Паунда с эпизодом из V книги «Одиссеи»: явления Левкофеи и спасения ею отчаявшегося Одиссея, плывущего с острова Калипсо. С учетом расположения Оигии на крайнем западе, а также говорящего имени нимфы («та, что скрывает») как относящегося к миру смерти, по мнению А. А. Тахо-Годи, эпизод поэмы Гомера следует понимать в следующем ключе: «с помощью богов Одиссей покидает Калипсо, тем самым побеждая смерть, и возвращается к миру жизни» (Ibid.). У Паунда эпизоды из жизнеописания Аполлония Тианского чередуются с цитатами и ремисценциями из V книги «Одиссеи»⁵. Ключевой же становится сентенция, открывающая это сопоставление-

⁵ П. Либрегтс интерпретирует этот пассаж вне соотнесения с жизнеописанием Аполлония: как намек на неоплатоническую метафору трудного странствия души по морю «материальной реальности» к бессмертию (Liebregts 2004: 309).

переплетение: «Waiving no jot of the arcanum / (having his own mind to stand by him)» (Pound 1975: 615). Она отражает двойственное положение Одиссея: с одной стороны, он желает поверить в чудесное спасение (в чем его должно уверять уже услышанное предсказание Тиресия о возвращении на Итаку), но с другой — опасается козней богов и не спешит выполнять советы Левкотей (*Od.* V. 355–364). Он принимает компромиссное решение, полагаясь на собственный разум: держаться за плот до последнего, а затем, когда совсем уж нечего будет терять, воспользоваться покрывалом богини и ее советом. Недоверие Одиссея к Левкотее своеобразно оттеняет чудесный, непостижимый для обычного человека характер идеи бессмертия через перерождение, проповедуемой Аполлоном.

Таким образом, Паунд соотносит образ Аполлония с историей Одиссея, раскрывая проблему обретения сакрального знания, обозначенную еще в *Canto I*, и показывая ограниченность рационального постижения тайн жизни и смерти.

Пифагор упоминается в связи с идеей восхождения разума к неким мистическим высотам: «yet the mind come to that High City / who with Pythagoras at Taormina» (Pound 1975: 616). Первая половина фразы — измененная цитата (ср. «...the minde of man being come from that high City of Heaven» (Heydon 1662: 34)) из «Священного руководства» (*Holy Guide*, 1662) английского оккультиста Дж. Хейдона (1629–1667). Как отмечает П. Либрегтс, Паунд используя выражение «High City», подразумевает «образ высшего плана существования», указывает на возможность трансцендентного перехода, но при этом отрицает «возможное божественное происхождение человека» (Liebregts 2004: 309). Соглашаясь с пониманием общего неоплатонического контекста паундовской «коррекции» Хейдона, отмечаемым в монографии исследователя, укажем на пифагорейскую его составляющую. Во второй части цитаты используется итальянское название города — Таормина⁶, который в жизнеописаниях Пифагора Ямвлиха и Порфирия несколько раз появляется под греческим именем Тавромений. Наибольшего внимания заслуживает история о том, как Пифагор, предположительно, с помощью стрелы Аполлона преодолел в один день большое расстояние между Тавромением на Сицилии и Мета-

⁶ А. Нивен, не придавая этому названию в *Canto XCI* должного значения, считает, что, упоминая Таормину, Паунд всего лишь создает фон для «неоплатонических видений Аполлония» (Niven 2018: 367).

понтон в Италии и беседовал со своими учениками в том и другом городе (Iambl. *De vita Pyth.* 28, 136). Этот сюжет примыкает к рассуждениям о божественной природе Пифагора (Ibid. 28, 135). В произведении Паунда Таормина-Тавромений, как напоминание о месте, в котором происходило общение знаменитого философа и учеников с демонстрацией почти божественных способностей, становится символом передачи и усвоения мистического опыта. Это коррелирует со строками из пифагорейских «Золотых стихов», в которых звучит обещание, что последователь Пифагора обретет «пути достижения божественных качеств⁷» (Pyth. *Aur. carm.* 45). Примечателен комментарий неоплатоника Гиерокла к этим строкам о том, что «созерцательная философия сиянием ума и истины приводит к уподоблению богу», что понимается как способность «разумной души» «иметь связь с превосходящим ее умом» (Hierocl. *In aureum carm.* 20, 2). Это довольно близко к мысли Паунда о восхождении разума к некоему High City — «высшему плану существования». В комментариях Гиерокл сближает пассаж о пути достижения «божественных качеств» с заключительными строками «Золотых стихов», как в равной мере указующие на конечную цель учения Пифагора: «И руководствуйся подлинным знанием — лучшим возничим. / Если ты, тело покинув, в свободный эфир вознесешься, / Станешь нетленным и вечным и смерти не знающим богом» (Pyth. *Aur. carm.* 69–71). В тексте *Canto* содержится прямое указание на подобное вознесение: «before my eyes into the aether of Nature» (Pound 1975: 616). У Паунда между этими «пифагорейскими» реминисценциями — из биографии Пифагора и «Золотых стихов» — оказывается отсылка к произведению неоплатоника Порфирия: «Souls be the water-nymphs of Porphyrius» (Pound 1975: 616), — который, уподобляя водным нимфам-наядам души, нисходящие в бытие, противопоставлял им души, выходящие путем бессмертных. Так, образ вознесения души, почерпнутый из пифагорейских священных текстов, включается у Паунда в систему неоплатонической оппозиции: вечного «ниспадения вещества из высших его сфер в низшие» и восхождения человека «от телесной жизни к жизни души, от души к уму и от ума к тому высшему сосредоточению всего человеческого существа, которое ведет к общению с Единым» (Losev 2000: 227).

⁷ Здесь и ниже перевод с древнегреч. И. Ю. Петер.

Отметим еще одну замысловатую отсылку к идеям пифагореизма в тексте Паунда — упоминание священной четверицы: «and the whole creation concerned with “FOUR”» (Pound 1975: 616). П. Либрегтс указывает источник этой почти точной цитаты — «Священное руководство» Дж. Хейдона, подчеркивая отражаемое в нем «общее стремление неоплатоников включить пифагорейское понятие чисел в собственные верования» (Liebregts 2004: 309) и желание Паунда включить Хейдона «в конфуцианско-неоплатоническую основу поэмы» (Ibid.). Отметим, что Паунд опустил в цитате из «Священного руководства» слово *число* (ср. the whole Creation is concerned in this Number four (Heydon 1662: 39), что заставляет вспомнить строки из «Золотых стихов» — «Именем клятву даю открывшего нам четверицу, / Неиссякаемой жизни источник» (Pyth. *Aur. carm.* 47–48) — в которых называется не «число четыре», а «четверица» (тетраκτῖς, согл. LSJ, «пифагорейское наименование суммы первых четырех чисел»). В исправленном Паундом пассаже из Хейдона слово “FOUR” можно прочесть не как число 4, а как четверка — количество чисел, складывающихся в пифагорейском учении в полноту творения. Более отчетливо интерпретация четверицы как причины тварного мира, заключающая в себе его потенциальное разнообразие дается в комментарии Гиерокла: «В целом четверица охватывает все существующее... Четверица есть, как мы сказали, творец и причина всего, умпостигаемый бог, причина небесного и чувственно воспринимаемого бога» (Hierocl. *In aureum carm.* 20, 19). Паундовская редакция — «...the whole creation concerned with “FOUR”» — в соотношении с предшествующей строкой «Formality Heydon polluted Apollonius unpolluted⁸» (Pound 1975: 616) может быть интерпретирована как попытка исправить «нечистый» в смысле соответствия пифагорейским представлениям пассаж Хейдона, указав при этом на пример более аутентичного восприятия учения Пифагора.

Пифагорейская традиция представлена в *Santo XCI* разноуровневой системой отсылок: упоминаются имена знаменитого самосского философа, его учеников и почитателей, присутствуют намеки на легендарные факты их биографий, отдельные

⁸ По мнению П. Либрегтс, эта фраза означает в сочинении Хейдона «загрязнение» неоплатонизма другими учениями — «герметизмом, розенкрейцерством, еврейской теологией, нумерологией и алхимией» (Liebregts 2004: 309).

положения их учений, реминисценции из священных текстов пифагорейцев. Пифагор и его последователи у Паунда символизируют один из древнейших вариантов получения сакрального знания. Важнейшей составляющей здесь становится идея метемпсихоза как пути обретения потустороннего опыта. Не менее значимым в тексте Паунда становится соотнесение пифагореизма с литературной (Гомер, Овидий) и позднейшими философскими (гностицизм, неоплатонизм) традициями. Неоплатонические интерпретации в принципе отражают объективно существовавшую в том или ином виде преемственность античной философской традиции: «Правомерно рассматривать пифагорейские учения не как материал для дальнейшей обработки в платоническом и неоплатоническом философствовании, не как источник влияния, а как миф, понимаемый как сокровенная предыстория теологической рефлексии, требующая сохранения истолкования, развития» (Medvedeva 2001). Пифагореизм предстает как освященная древностью и укорененная в культуре мистическая школа, становящаяся одним из античных источников поэмы Паунда.

Литература

- Bronnikov, A. V. 2018: Comments on the text. In. Pound. *Kantos*. SPb: Nauka, 702–775.
Бронников А. В. Комментарии к тексту. В кн.: *Эзра Паунд Кантос*. Пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018, 702–775.
- Dante Alighieri. 1967: *Bozhestvennaya Komedia* [La Divina Kommedia]. M.: Nauka.
Данте Алигьери, 1967: Божественная Комедия. Пер. М. Лозинского. М.: Наука
- Heydon, J. 1662: *The holy guide*. London: Printed by T.M. and are to be sold by Thomas Whittlesey.
- Jonas, H. 2001: *The gnostic religion: the message of the alien God and the beginnings of Christianity*. Boston: Beacon Press.
- Liebregts, P. Th. M. G. 2004: *Ezra Pound and Neoplatonism*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press.
- Losev, A. F. 2000: *Istoria antichnoy estetiki. Pozdny ellinizm* [The history of ancient aesthetics. Late Hellenism]. M.: Folio, AST.
Лосев, А. Ф. 2000: *История античной эстетики. Поздний эллинизм*. М.: Фолио, АСТ.
- Medvedeva, O. A. 2001: *Pifagoreyskoe uchenie o predele, bespredelnom i chisle v neoplatonisme* («Platonovskaya teologia» Prokla):

- avtoreferat dis... kandidata filosofskih nauk: 09.00.03 [*The Pythagorean Doctrine of the Limit, the Infinite and the Number in Neoplatonism: «Platonic Theology» by Proclus*]: abstract of the dissertation of the Candidate of philosophical sciences. SPb.
- Медведева, О. А. 2001: *Пифагорейское учение о пределе, бесконечном и числе в неоплатонизме: «Платоновская теология» Прокла*: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.03. СПб. URL: <https://www.plato.spbu.ru/ DISSERTATION/ medvedeva.htm> (дата обращения 22.02.2023).
- Niven, A. 2018: To the king onely to put value': Monarchy and Commons in Pound's Canto CIX // *Glossator: Practice and Theory of the Commentary* Vol. 10 (1), 355–370.
- Pound, E. 2018: *Kantos [The Cantos]*. SPb: Nauka.
Паунд, Э. 2018: *Кантос*. Пер с англ. А. В. Бронникова. СПб.: Наука.
- Pound, E. 1975: *The Cantos of Ezra Pound*. London: Faber and Faber.
- Strukova, A. S. 2003: [The concept of the philosopher-miracle in the «The Life of Apollonius of Tyana» by Flavius Philostratus]. In: *Akademia. Materialy i issledovania po istorii platonizma [The academy. Materials and research on the history of Platonism]*.
- Струкова, А. С. 2003: Концепция философа-чудотворца в произведении Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». В сб. *Академия. Материалы и исследования по истории платонизма*. 5, 265–284.
- Takho-Godi, A. A. 1989: *Grecheskaya mifologiya [Greek mythology]*. M: Iskusstvo.
Тахо-Годи, А. А. 1989: *Греческая мифология*. М.: Искусство.
- Zhmud, L. Ya. 2012: *Pifagor i rannie pifagoreyzy [Pythagoras and the early Pythagoreans]*. M: Universitet Dmitriya Pozharskogo.
Жмудь, Л. Я. 2012: *Пифагор и ранние пифагорейцы*. М.: Ун-т Дм. Пожарского.